Глава 3

В этих «переговорах» не оказалось победителей.

Юань Мучжоу ушёл. Силуэт в наброшенном на плечи широком плаще-хэчан скрылся в бушующей за порогом Павильона Облачной Дымки метели. Он даже не обернулся.

Проходя мимо Шэнь Цзюньюя, Юань Мучжоу не удостоил его и мимолётным взглядом, не говоря уже о словах. Лишь шлейф ледяного воздуха скользнул вслед уходящему.

Шэнь Цзюньюй так и остался сидеть в прежней позе, даже не шелохнувшись.

Белонефритовое кресло-каталка замерло посреди зала. Оно простояло там так долго, что свечи перед изваяниями Трёх Чистых на жертвеннике напротив успели сгореть больше чем наполовину. Только тогда Шэнь Цзюньюй медленно поднял онемевшие руки и, колесо за колесом, покатил его во внутренние покои.

Убранство спальни отличалось скромностью. Всё, за что цеплялся взгляд, принадлежало самому Шэнь Цзюньюю; здесь не было ни единой вещи Юань Мучжоу.

Шэнь Цзюньюй замер, оглядывая этот до боли знакомый уголок, и вдруг осознал: трещина в их отношениях появилась давно. Просто он упорно закрывал на это глаза.

«Какая нелепость.»

Шэнь Цзюньюй тихо вздохнул и покатил кресло к стоявшему в углу старому сундуку.

Отперев замок и откинув крышку, он первым делом достал шкатулку из чёрного дерева — новогодний подарок, который он так тщательно готовил для Юань Мучжоу.

Теперь дарить его не имело смысла.

Под чёрной шкатулкой лежала стопка детально прорисованных карт звёздного неба. В правом верхнем углу каждой из них были выведены имена и даты рождения — это были врожденные звёздные карты десяти старейшин Секты Меча.

Карты начертал сам Шэнь Цзюньюй, но подписи на них были сделаны рукой Шэнь Сыюаня.

Будь Юань Мучжоу милосерднее, согласись он выслушать хотя бы ещё одно слово или вернись он сейчас в покои, одного взгляда на эти чертежи хватило бы, чтобы раскрыть перед ним немыслимую правду.

Но он ушёл слишком бесповоротно.

Шэнь Цзюньюй вынул стопку карт и положил её на край стола.

Глубже в сундуке лежали аккуратные стопки листов с подробными толкованиями ментальных техник Секты Меча. Каждая сложная деталь была разобрана до мелочей, снабжена пометками о безопасности и возможных рисках, а утерянные фрагменты древних писаний — кропотливо воссозданы и дополнены.

Юань Мучжоу уже видел эти разборы. Вот только в его руки попадали списки, заботливо переписанные Шэнь Сыюанем.

В те времена Шэнь Цзюньюй ещё питал иллюзии. Он видел, как тяжело приходится Юань Мучжоу, и не желал, чтобы тот чувствовал себя обязанным больному возлюбленному, трудящемуся ради него ночами напролёт. Поэтому он просил Шэнь Сыюаня переписывать готовые листы набело и передавать Юань Мучжоу от своего имени.

Когда же случилась беда со старейшинами и астрологическим предсказанием Небесной Судьбы, Шэнь Сыюань снова пришёл к нему со слезами и мольбами. Шэнь Цзюньюй поколебался, но уступил — привычка брать чужую ношу на себя оказалась сильнее. Тогда он думал лишь об общем благе Секты Нефритовых Весов и Секты Меча. Он наивно полагал, что оберегает покой любимого человека.

«Какая разница, чьей рукой переписаны бумаги? Главное — избавить его от чувства вины. Если у нас есть любовь, остальное приложится.»

Кто же знал, что все эти безмолвные труды послужат лишь тому, чтобы соткать венец славы для другого.

А когда в последний миг Шэнь Цзюньюй почуял неладное и захотел открыть глаза Юань Мучжоу, было уже поздно. Тот счёл, что выслушать его — пустая трата времени.

На самом дне сундука лежали последние три вещи: расколотая нефритовая подвеска в форме бабочки, лазоревая лента из небесного шёлка и Меч Фениксового Оперения — оружие неописуемой красоты, чьи ножны, напоминающие золотое перо феникса, сияли мягким, струящимся светом.

Шэнь Цзюньюй сгрёб подвеску, ленту, черновики карт и толкования техник и хладнокровно швырнул всё в полыхающую жаровню.

В руках его остался только Меч Фениксового Оперения — его былой духовный клинок, неразрывно связанный с душой.

Пламя взметнулось, жадно пожирая бумагу и шёлк.

Шэнь Цзюньюй положил меч на колени. Глядя на то, как прошлое обращается в пепел, он почувствовал, как последняя искра тепла в его прозрачных, точно светлый янтарь, глазах гаснет навсегда.

«Если сердце человека изменилось, к чему цепляться за воспоминания?»

Огонёк свечи дрожал, озаряя бледный профиль склонившегося над столом Шэнь Цзюньюя. На его лице застыло выражение спокойной, ясной решимости.

Он и подумать не мог, что, в последний раз расправив лист писчей бумаги в Павильоне Облачной Дымки, напишет на нём простые слова: «Письмо о расторжении союза».

Шэнь Цзюньюй ожидал, что сердце сожмётся от боли, а пальцы откажутся повиноваться, но его вечно дрожащая от недуга рука вела кисть на удивление твёрдо.

Когда последний штрих застыл на бумаге, он долго всматривался в ровную вязь иероглифов. Как ни странно, это было самое красивое письмо, написанное им за долгие годы.

Спустя минуту Шэнь Цзюньюй горько усмехнулся и отложил кисть. Он не стал убирать письмо в конверт, а просто оставил его лежать на самом видном месте стола.

Затем он взял свой духовный меч и покатил кресло наружу — прямо в объятия ледяной метели.

Целое столетие Шэнь Цзюньюй провёл под сенью Павильона Облачной Дымки, где круглый год царила весна. Не зная ни бурь, ни невзгод, он казался окружающим хрупким тепличным цветком, неспособным выжить в суровом мире.

Но когда колючий ледяной ветер швырнул ему в лицо пригоршню колкой снежной крупы, пробирая до самых костей, Шэнь Цзюньюй внезапно ощутил неистовую, дикую радость. Ему давно не было так хорошо.

В этот самый миг на далёком Пике Возвышающихся Облаков Юань Мучжоу, любовавшийся заснеженными склонами при свете луны в компании Шэнь Сыюаня, вдруг почувствовал, как его сердце пропустило удар. На душу снизошло странное облегчение, словно благодатный дождь омыл иссушённую землю, даруя долгожданную ясность мыслей.

Он замер в недоумении.

Стоявший рядом Шэнь Сыюань с беспокойством спросил:

— Брат Юань, что-то случилось?

Юань Мучжоу помолчал. Напряжение, годами искажавшее его благородные черты, бесследно растаяло. Он поднял взгляд к сияющему диску луны.

— Ничего. Похоже, на меня снизошло озарение.

На губах Шэнь Сыюаня расцвела тихая улыбка.

— В таком случае поздравляю тебя, брат Юань.

— Спасибо, — негромко отозвался тот.

Возможно, его сердце действительно наконец освободилось от застарелых пут.

К тому времени Шэнь Цзюньюй уже окончательно простился с Павильоном Облачной Дымки.

Он ушёл тихо, не потревожив ни единого стражника. Для человека, сотни лет постигавшего таинства звёздных предсказаний, защитный барьер Секты Меча, испещрённый брешами, не представлял преграды. Шэнь Цзюньюй видел его структуру насквозь.

Труднее всего оказалось добраться в такую непогоду до Безбрежного утёса.

Дорогой Шэнь Цзюньюй трижды падал, оскальзываясь на обледенелых камнях. Когда он наконец добрался до вершины и замер на краю обрыва, его колени были избиты в кровь.

Впрочем, тело так окоченело от стужи, что он почти не чувствовал боли.

С трудом удерживая равновесие, измождённый болезнью Шэнь Цзюньюй стоял на вершине утёса с мечом в руке. Запрокинув голову, он сквозь пелену метели всматривался в очертания холодной луны.

В этот миг весь мир вокруг показался ему бескрайним и величественным. Яростный ветер трепал его чёрные волосы, осыпая бледное лицо снежной крупой, но он не желал закрывать глаза ни на секунду.

«До чего же красива луна.»

Снег тоже казался прекрасным. И даже хлещущий по лицу ледяной ветер приносил не муку, а острое, живое ощущение реальности.

«Сколько же всего я упустил за это проклятое столетие?»

На миг в его душе шевельнулась тоска по несбывшемуся, но она тут же сменилась облегчением, отразившимся на бледных губах слабой улыбкой. Он знал: за порогом этой ночи его ждёт нечто неизведанное и прекрасное.

Бросить вызов Небесам. Поставить всё на одну карту!

Мысли пронеслись подобно молнии. Без малейшего колебания Шэнь Цзюньюй взмахнул мечом, пронзил собственную грудь и шагнул с края Безбрежного утёса в пустоту.

В то же мгновение из раны на его груди вырвалось безумное багровое свечение. Кроваво-красные лучи, подобно шёлковым нитям, оплели его тело, сплетаясь в сложнейшие, слепящие глаза узоры формации.

Это было запретное, нарушающее законы природы искусство Секты Нефритовых Весов, запечатанное много веков назад.

Рождённая в Верхнем Царстве техника могла повернуть время вспять и перевернуть устои мироздания, но плата за её использование превосходила всякое воображение.

Шэнь Цзюньюй знал о её существовании давно, но никогда не думал, что однажды применит её. Когда-то он малодушно цеплялся за иллюзию нежности Юань Мучжоу, страшась неведомых последствий и неподъёмной цены.

Но теперь, лишившись всех привязанностей, он больше не испытывал страха перед грядущей расплатой.

Багровое зарево разлилось по небу, окрасив половину небосвода над Безбрежным утёсом в цвет свежей крови. С грохотом закружились свинцовые тучи, раскалывая вышину раскатами грома.

Ученики и старейшины Секты Меча, встревоженные внезапным катаклизмом, спешно покидали свои обители, вглядываясь в бушующие небеса.

Там, где сталкивались багровые вспышки и грозовые облака, отозвавшись на зов древнего заклятия, медленно приоткрылось нечто из великой пустоты. Посреди небесного купола распахнулось исполинское око, глубокое и бездонное, словно сама звёздная бездна.

При виде этого ока всякого, кто находился в Секте Меча, пробрала леденящая дрожь.

Но Шэнь Цзюньюй, чей окровавленный силуэт стремительно летел вниз, в бездну обрыва, лишь

слабо улыбнулся. Глядя на чудовищный зрачок, он прошептал:

— Забери меня.

Око разглядывало летящего человека с высоты, в его пристальном взоре читались любопытство и холодный суд. Шэнь Цзюньюй без тени страха смотрел прямо в бездну этого зрачка.

И тогда сквозь рокот бури в его сознании прогремел глубокий, раскатистый голос:

— Да будет так.

Мир содрогнулся, законы пространства и времени рухнули.

Теряя сознание, Шэнь Цзюньюй так и не увидел, как сквозь стену молний с Пика Возвышающихся Облаков, преодолевая ураганный ветер, к нему отчаянно мчался человек в серо-белом плаще-хэчан, силясь дотянуться до него рукой…

***

Духовная энергия струилась лёгкой дымкой, разнося свежий аромат цветов, хвои и влажной земли. Вкруг вздымались горы, шумела чаща, срывался вниз пенистый водопад — обычный пейзаж любой тайной обители.

Только в вышине сияли одновременно и солнце, и луна, заливая землю странным, ослепительным светом.

У подножия водопада на мокром валуне лежал бледный юноша в белых одеждах. Водяная пыль насквозь пропитала ткань, половина его чёрных волос скользнула в поток и плавно колыхалась в воде.

Спустя неизвестно сколько времени длинные ресницы на его бледном, утончённом лице дрогнули один раз, затем другой. Глаза медленно открылись.

Солнечные блики, игравшие на воде, и густая водяная морось слепили взор.

Его светло-карие, прозрачные, словно янтарная глазурь, глаза застыли, безучастно уставившись на сверкающую гладь заводи. Ресницы вновь и вновь покрывались влагой, но он не зажмуривался ни на мгновение.

Наконец, пальцы его руки, бессильно свисавшей с камня, дрогнули.

Это слабое движение будто запустило скрытый механизм: оцепенение, сковавшее тело юноши подобно марионетке, спало. Он сжал ладонь в кулак и рывком поднялся на ноги.

От неожиданного усилия он покачнулся, едва удержав равновесие на скользких камнях.

Юноша поднял лицо, всматриваясь в раскинувшийся перед ним пейзаж. На миг он замер в растерянности, словно не веря собственным глазам, но в следующее мгновение на его бледных губах проступила слабая, безмятежная улыбка.

Запретная техника сработала.

Он, Шэнь Цзюньюй, действительно вернулся к жизни.

Притом вернулся в лучшую свою пору — в те годы, когда тело было полно сил, а душа — юношеской отваги.

В одно мгновение все былые тревоги и призраки прошлого рассеялись без следа, оставив после себя лишь сладостное облегчение.

Выпрямившись, Шэнь Цзюньюй медленно расправил плечи. Он размял тонкие бледные пальцы и бережно направил потоки духовной энергии по меридианам — сила в его даньтяне циркулировала легко и беспрепятственно.

От этого давно забытого ощущения лёгкости у него защемило в груди, а к глазам подступили слёзы.

Целый век… Ему понадобился целый век, чтобы снова почувствовать себя здоровым человеком.

Вдруг Шэнь Цзюньюй нахмурился и замер, прервав сосредоточение. Он опустил взгляд и нетерпеливо рванул воротник белого халата.

На нежной коже чуть ниже ключицы, как раз над сердцем, отчетливо проступило багровое клеймо, которого там никогда прежде не было.

Очертаниями знак в точности повторял зловещее око, явившееся ему в грозовых тучах Безбрежного утёса. Прислушавшись к себе, Шэнь Цзюньюй уловил, как сквозь эту отметину тончайшей струйкой медленно, но непрерывно утекает его жизненная сила.

«Так вот какова расплата за возвращение?»

Однако он тут же вернул себе самообладание, спокойно запахнул ворот и разгладил складки

ткани. Маркер неизбежного угасания больше его не волновал.

Раз уж судьба подарила ему второй шанс, он приложит все силы, чтобы пройти этот путь с гордо поднятой головой. А с этой малой платой он как-нибудь совладает.

http://bllate.org/book/19607/2002771